

Мобилизация как провокация?

КОНСТАНТИН
ТАРАСОВ

Мемуары генерала Добrorольского
в историографии

Публикуемые мемуары генерала Сергея Добrorольского были написаны в Королевстве сербов хорватов и словенцев, куда он эмигрировал после поражения белых в гражданской войне¹. Позже офицер отметил, что его свидетельства были «подхвачены немедленно немецкой, французской и английской печатью для полемических целей» в связи с обсуждением вопроса о «виновности в войне»². Действительно, уже в 1922 году воспоминания вышли отдельной брошюрой на немецком, а еще через год переведены на французский³. Вскоре Добrorольский среди других генштабистов выступил против продолжения борьбы с большевиками⁴. Генерал сотрудничал с берлинским просоветским журналом «Война и мир» и подозревался в связях с большевиками. Все это привело к его изоляции в эмигрантской среде. В 1925 году Добrorольский уехал в СССР, где через четыре года

Константин Андреевич
Тарасов (р. 1988) –
научный сотрудник
Санкт-Петербургского
института истории РАН.

- 1 Добrorольский С. *О мобилизации русской армии в 1914 году* // *Военный сборник: Общества ревнителей военных знаний*. Белград, 1921. Кн. 1. С. 91–116.
- 2 Он же. *Мобилизация русской армии в 1914 году. Подготовка и выполнение*. М., 1929. С. 93.
- 3 DOBROROLSKII S. *Die Mobilmachung der russischen Armee 1914*. Berlin, 1922; DOBROROLSKY S. *La mobilisation de l'armée russe en 1914* // *Revue d'Histoire de la Guerre Mondiale*. 1923. Vol. 1. P. 53–69.
- 4 ГАНИН А. В. *Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком*. М., 2016. С. 342–343.

АРХИВ «НЗ»

вышла его работа «Мобилизация русской армии в 1914 году». Книга включала и новую версию его личных воспоминаний об этих событиях. В 1933-м генерал покончил жизнь самоубийством⁵.

Публикуемые воспоминания Сергея Добророльского – как и в межвоенный период – продолжают использоваться для полемики вокруг того, какая сторона виновата в развязывании Первой мировой войны. В преддверии столетнего юбилея ее начала дискуссия возродилась, – с гораздо большим вниманием ситуации в России. Американский историк Шон Макмикин выдвинул тезис о главной роли царского правительства в том, что Июльский кризис привел к войне. Ссылаясь на мнение Добророльского, исследователь утверждал, что план мобилизации российской армии только против Австро-Венгрии без использования Варшавского военного округа являлся заведомо нереалистичным и ввел в заблуждение руководство страны. Приготовления к частичной мобилизации спровоцировали Германию объявить войну России. «Ошибка Янушкевича, если она была таковой, привела в движение цепь катастрофических событий, приведших к мировой войне», – писал Макмикин⁶. В рассуждениях историка важное место отводится утверждению Добророльского, что решение о частичной мобилизации 24–25 (11–12) июля делало «войну уже решенным делом», а дипломатические переговоры не имели никакого значения⁷. В следующей книге Макмикина авторитетное мнение Добророльского играет еще большую роль для аргументации автора:

«Как указывал Коковцов в ноябре 1912 года, а Добророльский – в июле 1914 года, частичная мобилизация, нацеленная только на Австрию, без использования варшавского железнодорожного узла и охвата Польши была технически невозможна. Она так и не была полностью реализована. “Частичная мобилизация” была дипломатическим фокусом, призванным показать Франции – и в особенности Великобритании, – что Россия не давала Германии предложения для войны. Решение о европейской войне было принято Россией в ночь на 29 [(16)] июля 1914 года, когда царь Николай II по единодушной рекомендации своих советников подписал приказ о всеобщей мобилизации. Всеобщая мобилизация – как знал он, как знал Сазонов, как знал Шиллинг; как знали Кривошеин, Родзянко и думские лидеры; как знали Сухомлинов, Янушкевич и Добророльский, – означала войну»⁸.

5 Он же. «Теперьшняя наша жизнь – не жизнь, а только существование...» *Русские офицеры в Королевстве сербов, хорватов и словенцев по материалам архива генерал-лейтенанта П.И. Аверьянова // Столетие двух эмиграций. 1919–2019.* М.; Белград, 2019. С. 188–189.

6 McMEIKIN S. *The Russian Origins of the First World War.* Cambridge; London, 2011. P. 55.

7 Ibid. P. 66.

8 ИДЕМ. *July 1914: Countdown to War.* New York, 2013. P. 397–398.

Британский историк Кристофер Кларк в своей книге «Сомнамбулы. Как Европа пришла к войне в 1914 году» также много места уделил влиянию решений российского руководства в том, как раскручивался конфликт. Он, как и Макмикин, сослался на мнение Добророльского о том, что после решений Петербурга 24–25 (11–12) июля война была решенным делом. Впрочем, исследователь интерпретировал это замечание мемуариста не так прямолинейно. Историк считал, что решение о частичной мобилизации сужало горизонт возможностей, а альтернативу началу военных действий представить себе было сложно, хотя и не невозможно. Дипломатия еще могла сыграть свою роль, но основные действующие лица во Франции и России придерживались политики «охранения мира путем демонстрации силы»⁹. В целом Кларк стремится показать всю сложность событий, которые привели к войне, демонстрируя, что ответственность за решения так широко распределена между всеми великими державами, что понятие вины превращается в бесполезную категорию.

Другой британский историк, Доминик Ливен, использовал воспоминания генерала Добророльского для демонстрации того, как сложно далось российскому руководству решение об общей мобилизации. В частности, он подробно привел свидетельства о посещении министра внутренних дел Маклакова и морского министра Григоровича. Первый усердно молился в кабинете, а второй, не веря своим глазам, заявил, что флот не в состоянии воевать против Германии. В целом Ливен сделал вывод, что, несмотря на принятые военные приготовления, судьба Европы еще несколько дней находилась в руках дипломатов¹⁰. Те же выводы о колебаниях российских властей делают и российские исследователи на основании мемуаров Добророльского¹¹. Нужно также отметить, что существуют исследования с критикой того, что мероприятия периода подготовки к войне можно рассматривать как скрытую мобилизацию, спровоцировавшую Германию на ответные действия. Энтони Хейвуд и Брюс Меннинг продемонстрировали, что 24–25 (11–12) июля были инициированы меры по обеспечению готовности армии, за исключением фактической мобилизации и объявления войны. Они показали, что ни приказов о перемещении воинских подразделений в сторону границы, ни собственно перемещений по железной дороге в эти дни не было¹².

9 CLARK C. *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. New York, 2013. P. 486.

10 LIEVEN D. *Towards the Flame: Empire, War and the End of Tsarist Russia*. London, 2015.

11 См.: АЙРАПЕТОВ О.Р. *Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало*. М., 2014. С. 73, 76; *Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917)*. М., 2014. С. 429, 433.

12 ХЕЙВУД Э. *Июль 1914-го: «Секретная мобилизация» в России // Родина*. 2014. № 8. С. 24–25; MENNING B. *Russian Military Intelligence, July 1914: What St. Petersburg Perceived and Why It Mattered // Historian*. 2015. Vol. 77. P. 242–243.

Да и сам Сергей Добророльский в более поздних воспоминаниях прояснил свое свидетельство о невозможности проведения частичной мобилизации. Он писал, что технически можно было без задержки отмобилизовать четыре военных округа. Однако такая мобилизация могла привести к логистической катастрофе, если бы вслед за ней потребовалось объявить общую мобилизацию. При этом война одновременно с Австро-Венгрией и Германией представлялась наиболее вероятным сценарием развития событий, зная тесные союзнические отношения двух стран¹³. Тезис же Добророльского о неизбежности войны после приказа о приведении в боевую готовность четырех военных округов следует отнести к характерной для мемуаристов «прозорливости» по сравнению с другими их современниками. Генерал стремился представить дело так, что среди всех военных, включая его начальников Сухомлинова и Янушкевича, он единственный с самого начала понимал, что избежать войны с Германией не удастся, и дальнейшие события якобы подтвердили его правоту.

Парадоксальным образом в зарубежной историографии при цитировании воспоминаний Сергея Добророльского в основном пользуются французским и немецким переводами. Иными словами, в случае англоязычных исследователей мы сталкиваемся с двойным переводом: с русского на французский или немецкий, а затем – на английский. Неудивительно, что здесь происходят определенные смысловые искажения, принципиально важные для освещения событий. Так, например, часто цитируемый пассаж Сергея Добророльского о том, что после решения о частичной мобилизации «война была уже предрешена», во французском переводе дано как «la guerre était déjà chose décidée», а в немецком – «der Krieg war bereits beschlossene Sache»¹⁴. Шон Макмикин перевел это как «already a settled matter», а Кристофер Кларк как «already a decided thing»¹⁵. В переводах значение приближается к тому, что правящие круги приняли решение о войне («улаженное дело», «решенная вещь»). В оригинале же автор использует безличную форму с оттенком фатализма. По контексту это может значить даже то, что это Германия «предрешила» вопрос о войне, а Россия опаздывала с реакцией на брошенный вызов. Подобные разночтения встречаются по всему тексту. В этом смысле републикация воспоминаний Сергея Добророльского сделает их более доступными для исследователей и поможет устранить возможные искажения формулировок мемуариста.

13 ДОБРОРОЛЬСКИЙ С.К. *Мобилизация русской армии в 1914 году...* С. 95.

14 DOBROROLSKY S. *La mobilisation de l'armée russe en 1914*. P. 68; DOBROROLSKII S. *Die Mobilmachung der russischen Armee 1914*. S. 21.

15 MCMEEKIN S. *The Russian Origins of the First World War*. P. 66; CLARK C. *The Sleepwalkers...* P. 486.